

— Пожениться так пожениться, — ровно повторил тот.

Шэнь Эр воззрился на него так, будто слышал какую-то несусветную дичь:

— Ты... со мной пожениться собрался?!

Что за бред! Если весть о его браке с Гу Минчжоу просочится наружу, с каким лицом он дальше показаться в Демоническом царстве? Ему и сам факт беременности давался с трудом, а тут — связать себя узами, навечно приковать к Гу Минчжоу! Да он скорее головой о стену уьется, чем согласится на такое.

— А что в этом такого? — Гу Минчжоу слегка прищурился. — Ты носишь моего ребенка, так и должно быть. Или ты рассчитывал родить, а потом с чистой совестью прикончить меня?

— Вовсе нет! — поспешно возразил Шэнь Эр.

А ведь ровно это он и замышлял. Впрочем, признайся он сейчас — и Гу Минчжоу без долгих раздумий снова упрячет его под печать.

Гу Минчжоу спросил это скорее наугад, но, взглядевшись в лицо юноши, ощутил, как внутри всё стынет. Кролик совершенно не умел лгать. Стоило ему соврать, как глаза начинали бегать из стороны в сторону — вот ровно как сейчас.

— Я просто считаю... Брак не должен заключаться лишь из-за ребенка. Нужно ведь взаимное согласие! Ты меня не любишь, я тебя не люблю — с какой стати нам связывать душевные узы на всю жизнь? А вдруг ты позже встретишь кого-то, кто падет тебе в душу?

На этот раз речи кролика звучали удивительно складно, вот только метущийся взгляд выдавал его с потрохами.

Сердце Гу Минчжоу окончательно заледенело.

Ну надо же, как умело тот притворялся покорным и кротким. А ведь с самого начала всё просчитал: ребенок нужен был лишь как поводок, чтобы держать его на цепи.

Гу Минчжоу следовало сразу вспомнить: Великое зло останется злом, какую бы человеческую личину оно ни нацепило. Внутри всё равно таится извечная тьма. Но Шэнь Эр так ловко разыгрывал наивную глупость, что даже Гу Минчжоу со всем своим многолетним опытом истребления демонов поддался обману.

Должно быть, он действительно сочёл кролика человеком и совершенно забыл, что перед ним не невинная зверушка, а хищный, кровожадный зверь.

— Ты прав. Пусть будет по-твоему, — проронил Гу Минчжоу холодным, отстраненным тоном и, повернувшись к нему спиной, уставился в стену.

Шэнь Эр так и не понял, поверил ли ему собеседник, однако от мысли, что свадебной кабалы удастся избежать, на душе посветлело. Лишние узы ему ни к чему. Вот родится ребенок — тогда-то он и заставит Гу Минчжоу пахать на себя как проклятого. А когда вдоволь отыграется за все обиды, заберет дитя и уберется восвояси.

Именно таков и был план.

Гу Минчжоу заставил его обзавестись чревом — вот пусть теперь и горбатится за двоих!

Гу Минчжоу заточил его под печать на три сотни лет — вот пусть теперь и расплачивается!

Единственная беда — если Гу Минчжоу раскусит его раньше времени, у него будут большие неприятности.

Шэнь Эр выпростал голову из-под теплого одеяла и посмотрел на Гу Минчжоу, лежавшего совсем рядом. Тонкие пряди чужих волос касались кончика его носа, вызывая легкую щекотку и донося едва уловимый, свежий аромат.

От Гу Минчжоу всегда пахло удивительно приятно — тонким, едва ощутимым духом молодого бамбука. Точно так же пахло и в тот день, когда Шэнь Эр сбежал из дома, а Гу Минчжоу отыскивал его под проливным дождем с зонтом в руках.

Рядом с ним всегда было тепло. Шэнь Эр не удержался и тихонько втянул носом воздух ещё разок.

Вообще-то Гу Минчжоу бывает отнюдь не черств. Он ведь пришел за ним тогда, в дождь, да и новые одежды покупал... Стоит лишь немного поддать слабину, показать беспомощность — и его сердце наверняка снова отмякнет.

Размыслив так, Шэнь Эр несмело вытянул руку и ткнул Гу Минчжоу пальцем в плечо:

— Да не бойся ты так. Я вовсе не собирался тебя убивать. К тому же ты ведь на стадии Очищения Пустоты, а я от силы тяну на Формирование Божества. Как бы я смог с тобой справиться?

Гу Минчжоу прикрыл глаза, не произнеся ни слова.

— Снова притворяешься глухим? Опять разозлился? — Шэнь Эр еще раз аккуратно потормошил его за спину и совсем тихо пробормотал: — Станные вы, люди. Ты ведь и сам

меня терпеть не можешь. Так почему злишься, когда я говорю, что не хочу свадьбы?

— Гу Минчжоу.

— Гу Минчжоу-у?

— Эй, ты уснул, что ли? — Шэнь Эр неумолимо продолжал тыкать в него пальцем. — Если уснул, так и скажи, я тогда молчать буду.

Гу Минчжоу по-прежнему хранил молчание. Спустя мгновение Шэнь Эр внезапно схватил его за запястье и потянул его ладонь к своему животу.

— На, потрогай Шэнь Чаохуая. Только не злись больше, ладно?

Гу Минчжоу медленно открыл глаза и повернулся. Прикосновение к чужому телу отозвалось мягким, нежным теплом, будто ладонь опустилась на комковатое облако сухой ваты.

Шэнь Эр уставился на него в упор и, уловив его взгляд, вдруг хихикнул:

— Потрогал — значит, злиться больше нельзя!

В это мгновение Гу Минчжоу показалось, что уголки этих улыбающихся губ задели самое сердце, отозвавшись в груди щемящей, легкой тоской.

Кролик улыбался невероятно живо. Он и без того был до крайности пригож, а в улыбке казался настолько бесхитростным и глуповатым, будто внутри у него и вправду не было ни капли лукавства.

Гу Минчжоу зажмурился. Ощущение под ладонью стало еще отчетливее — ему чудилось, будто сквозь эту мягкую плоть он и впрямь может разглядеть дитя, связывающее его с Шэнь Эром.

Он ведь прекрасно понимал: перед ним коварное Великое зло. Прекрасно знал, что тот снова лицемерит и заманивает его в ловушку.

«Так почему же ты не можешь ожесточить сердце?

Гу Минчжоу, ну почему ты так слаб?..»

Спустя долгое время он убрал руку, разомкнул веки и, опустив густые ресницы, произнес:

— После полудня я отыщу лекаря Ту, чтобы он проверил твой пульс.

— В каком смысле? — Шэнь Эр опешив уставился на него.

Гу Минчжоу отвел взгляд и сухо отчеканил:

— Я хочу знать наверняка, есть у тебя в животе ребенок или нет.

Эти слова заставили Шэнь Эра поспешно запричитывать:

— Есть же! Ты ведь сам прекрасно знаешь! — Он судорожно задрал рукав, выставляя прямо перед лицом Гу Минчжоу яркую красную родинку на запястье. — Смотри! Вот она, родинка!

Гу Минчжоу отвернулся и ровным голосом ответил:

— Словам демона-тигра нельзя верить на слово. Есть ли там кто-то, скажет только лекарь.

Шэнь Эр со злостью заскрежетал зубами:

— Да делай что хочешь! Всё равно ты мне никогда не веришь. Не убедишься, пока сам лбом не уткнешься! Позывай своего лекаря, мне скрывать нечего!

С этими словами он с треском дернул на себя одеяло, развернулся спиной и с размаху боднул Гу Минчжоу бедрами, отталкивая от себя.

— Мужчинам не пристало тесниться на одном ложе, так что отсыдь подальше!

Гу Минчжоу молча лишился дара речи.

С чего вдруг злиться начал он?

Глядя на раздувшегося от обиды кролика, Гу Минчжоу еле слышно вздохнул, аккуратно подоткнул ему край одеяла и поднялся с постели.

— Молодой господин, что-то случилось? — тут же подошла Сяонин.

— Пусть отдыхает, — вполголоса отозвался Гу Минчжоу. — А ты отведи меня к лекарю Ту. Мне нужно с ним поговорить.

— Слушаюсь.

Целительская обитель клана Гу.

Еще на подходе Гу Минчжоу уловил густой травяной дух, витавший в воздухе. Под карнизом струился тонкий сизый дымок, от одного вида которого во рту становилось горько.

Сяонин провела его вглубь обители, к покоям, скрытым за тяжелой шторкой и ширмой с изображениями цветов и птиц. Едва ширма раздвинулась, как в лицо ударил концентрированный запах терпких отваров.

Внутри восседал человек в простых светлых одеждах. Выпрямив спину, он держал в руках пожелтевший от времени медицинский трактат.

— Молодой господин, это лекарь Ту. Лекарь Ту, перед вами второй молодой господин нашей усадьбы. У него есть к вам дело, — Сяонин с поклоном представила их и сдержанно удалилась.

Мужчина оторвал взгляд от древнего фолианта, посмотрел на Гу Минчжоу и небрежно махнул рукой:

— А, пришел? Присаживайся.

Гу Минчжоу насупил брови:

— Вы меня знаете?

— Как не знать. В детстве я тебя врачевал, да ты, чай, за давностью лет запомнил, — лекарь Ту выглядел довольно молодым, и в нем не ощущалось ни капли духовной энергии. Казалось, он просто старел чуть медленнее обычных смертных.

Гу Минчжоу опустился на стул напротив. Но не успел он произнести и слова, как тот заговорил первым:

— Ты ведь пришел расспросить про своего кролика?

Гу Минчжоу вскинул голову, зрачки его сузились. С трудом подавив вспыхнувшее волнение, он ледяным тоном произнес:

— Так это вы.

Неудивительно, что он не смог распознать духовный уровень собеседника — тот попросту превосходил его собственной мощью.

Во всем мире найдется не так много заклинателей, чья сила превосходит его собственную. А тех, кто видел его в детстве, и вовсе единицы — лишь тот самый Бессмертный почтенный, что некогда нарек его роковой звездой одиночества и мора.

Тот даос случайно заглянул в усадьбу Гу и с первого же взгляда прорек, что мальчик сведет в могилу всех своих сородичей. Единственным спасением называли изгнание — никому из клана не позволялось проявлять к нему тепла.

И пара тех слов на корню перекроила всю его жизнь.

— Полно тебе хмуриться, ты ведь не счет пришел сводить, верно? — лекарь Ту улыбнулся, отложил книгу и сладко потянулся. — Давай ближе к делу. Говори.

Гу Минчжоу глубоко вдохнул, унимая горькую боль, что внезапно подступила к горлу.

— Раз уж вам удалось просчитать мой приход ради Шэнь Эра, отчего же вы не просчитали сам вопрос?

— Просчитать-то просчитал, да ведь надо соблюсти порядок, а? — Бессмертный почтенный громко расхохотался, а затем с загадочным видом сложил пальцы в гадательном жесте: — Выходит, у твоего кролика в брюхе дитя зародилось?

Гу Минчжоу на мгновение обомлел:

— Неужели вправду?..

— А кто его знает.

Гу Минчжоу потемнел лицом:

— Вы же утверждали, что способны прорицать?

Лекарь Ту почесал кончик носа и усмехнулся:

— Ты ведь нынче и сам достиг стадии Очищения Пустоты. И что, много у тебя получилось выгадать?

На лбу Гу Минчжоу запульсировала жилка:

— Если бы я мог это прозреть, стал бы я тратить время на разговор с вами?

Он и сам пытался вычислить судьбу Шэнь Эра, да только природа Великого зла совершенно не похожа на человеческую. Демон родился из первозданного хаоса; у него нет трех душ и семи телесных душ, нет прошлых и будущих жизней, которые Небесное Дао четко вписывает в свои свитки. Шэнь Эр — лишь сгусток темной ци. Гадать ему — все равно что пытаться предсказать судьбу капли дождя или порыва ветра.

Он-то надеялся, что этот лекарь Гу обладал непревзойденными познаниями во врачевании, а тот оказался обычным заклинателем. Бабушке он, скорее всего, просто сбивал недуг духовной энергией.

Такое и сам Гу Минчжоу умел: когда у бабушки случались приступы, он точно так же выравнивал ее ци. Если это называется лечением, то он и сам мог бы провозгласить себя великим врачевателем!

Окончательно разочаровавшись, Гу Минчжоу собрался уходить. Но стоило ему сделать шаг к двери, как сзади раздалось:

— Куда спешишь? Я еще не закончил.

Он замер и обернулся.

Лекарь сменил шуточный тон на предельно серьезный и тихо произнес:

— Пусть я не знаю, носит ли он под сердцем дитя, но я прожил на этом свете на пару веков поболее твоего и соли съел больше, чем ты риса. Ты ведь в курсе, что его истинный облик — кролик?

— В курсе. И что с того?

— А то, — старик медленно перелистнул страницу медицинского трактата и подвинул его прямо к носу Гу Минчжоу. — На, гляди сам.

Гу Минчжоу наклонился над столом. На древней странице имелся рисунок кролика, а под ним вился ряд мелких иероглифов:

[Если человек гладит кролика, у последнего может возникнуть ложная беременность. Проявляется она в незначительном вздутии живота и зуде в груди, неотличимых от обычного зачатия]

Ложная... беременность?

У кроликов бывает ложная беременность?!

В памяти Гу Минчжоу вспыхнули воспоминания. В тот день он действительно погладил Шэнь Эра! После чего тот принялся уверять, будто у него вырос живот, жаловался на неприятные ощущения в груди и свято божился, словно прабабушка во сне предупреждала его о зачатии от прикосновений...

Значит, всё это...

Всего лишь ложная беременность!

<http://bllate.org/book/20310/2132526>